

Рассказ

Стукачи

– Сынок, а куда Колька делся? То всё заходил...

– А он в больнице сейчас. С отравлением.

Марина удивлённо посмотрела на сына. Его друг какой день в больнице, а он помалкивает. Но когда Сашка начал рассказывать – всё сразу стало ясно. Хвалиться было нечем: положили Кольку с алкогольной интоксикацией. У того недавно был день рождения, и дружки приволокли ему водки. Самопальной! Всем-то ничего, а вот именинник попался. И где они её взяли...

Да где же? И так ясно! Марина сама сколько раз видела, как на углу ближайшего магазина две хитренькие старушки что-то предлагают прохожим из-под полы. Что – и так ясно. Кто отмахивается, а кто с сизым носом... Для них это палочка-выручалочка. Цена-то не магазинная! И, пробегая мимо, Марина никогда не задумывалась о происходящем. А оказывается, это как мина замедленного действия.

Ничего-ничего, а вот бабахнуло! Поди ты, Колька в больнице...

– А ты где был? – уже с другим настроением обратилась мама к сыну. – Вы ж друзья. Вместе, наверное, справляли...

– Вместе, вместе. И я выпил. Но только для приличия. Мне ж на соревнования – ты знаешь. А так, может, и я... В общем, не повезло Кольке. Увезли на скорой, а потом два дня под капельницей.

Марина опять вспомнила продавщиц зелья. Сколько раз видела – и никаких эмоций. Ну, продают и продают... Мне-то что? А оно вишь как обернулось. Выходит, зря отворачивалась. Будешь помалкивать дальше – и тебя коснётся.

– Так почему я молчу? – спросила себя женщина. – Вон он, телефон рядом. Набрала номер и обратилась куда следует. Чего же я боюсь?

Марина не ожидала, что ответ на сей вопрос ей вывернется совершенно с неожиданной стороны. Оказывается, не инертность, не страх, не обыкновенная лень – причина её молчания. Это всё ни при

чём. Нежелание звонить в милицию и докладывать (закладывать!) о каких-либо противоправных действиях сидит в генах россиян ещё со сталинских времён. Тогда такие слова, как «филёр», «тайный агент», были переделаны нашим народом в нелицеприятное «стукач». Стукачей не любили. Оно и понятно – из-за них за одно неверное слово, за нечаянный брак в работе, да просто из-за обыкновенного наговора человек отправлялся на долгие годы на Соловки или ещё куда к чёрту на кулички. Ему портили карьеру, жизнь, унижали семью и близких вплоть до седьмого колена. Марина знала достаточно таких историй. Её родной дядька из-за доноса после десяти лет отсидки вернулся с Кольмы сломленным и больным. Два года потом не прожил на свободе – умер от туберкулёза.

И ничего удивительного, что в нашей стране до сих пор к доношительству относятся с отвращением. Но сейчас Марина решила по-другому: до какого извращённого состояния доведён наш институт доношительства, когда добропорядочный гражданин не желает или стесняется обращаться в правоохранительные органы, если видит какое-либо безобразие. И не потому, что боится или ему наплевать на всё, а потому

что он стыдится такого поступка – ведь это же стукачество! То есть предательство и подлость. Хотя на самом деле всё, конечно, не так.

Сообщить в определённые структуры о какой-нибудь гадости, мерзости, что мешает нам жить, – естественная форма поведения нормального человека. За границей, в Европах и Америках, это давно уже поняли. И доносить на соседа – за дело, конечно, – там считается нормой. А у нас... Торгуют наркотой, палёной водкой, курят травку в подъездах чуть ли не в открытую! И всё потому, что некому снять трубку и позвонить в органы. Ведь мы не стукачи! Хотя в следующий раз беда может коснуться любого. И всего лишь потому, что однажды мы прошли мимо. Мимо тех же бабок с палёной водкой.

Марина посмотрела на сына – надо старушек убирать. А то у Сашки тоже скоро день рождения...

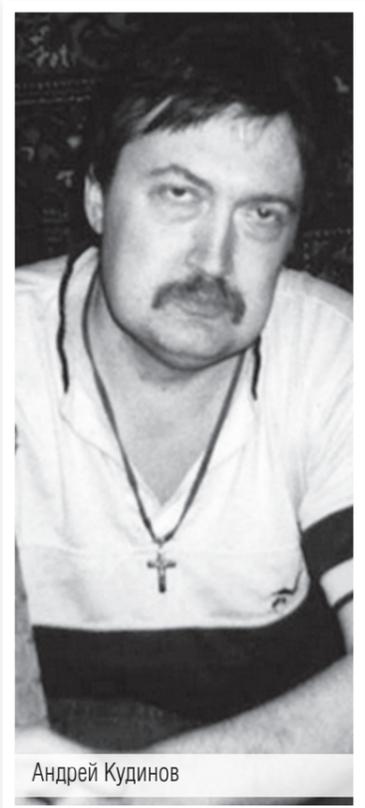
– Они и сейчас торгуют?

– Бабки, что ли? Да они туда как на работу!

– Ничего, – подумала Марина. – За это двадцать лет не дадут. А если и посадят – то за дело!

И она набрала 02. Впервые в жизни:

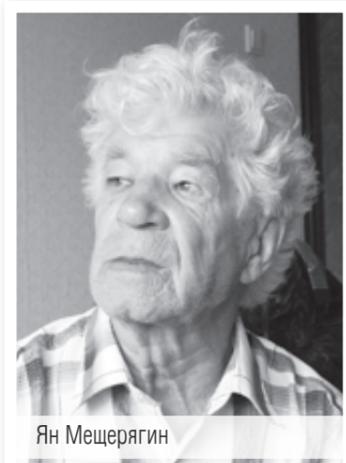
– Алло, я хочу вам сообщить...

Андрей Кудинов

Рифма

«Прошедший день благослови...»

Ян Мещерягин

Маме

Пусть хорошо в краю чужом,
пусть он подобен чем-то раю,
но я всё чаще вспоминаю
родимый край и отчий дом.

От стен лучится теплота,
в окошко солнышко глядится
и на широких половицах
ласкает спящего кота.

На стенке тикают часы,
широкий стол, скамья, божница:
не для того, чтобы молиться,
а для уюта и красоты.

Глядит черёмуха в стекло,
припав ветвями к старой раме.
На подоконниках герани
пылают ярко и светло.

И тянет сердце в отчий дом
сильней, настойчивей с годами...
Взобраться б на колени к маме
и подышать её теплом.

Не поэт я, ну и что же?
Ошибаюсь? Ну и пусть!
Вы с ромашкой чем-то схожи.
Чем? Не сразу разберусь.

Может, свежестью улыбки,
Глубиной раскрытых глаз,
Стебельком упруго-гибким,
что сломается не враз?

Не пойму я: в чём тут дело,
где те грани сведены?

Может, обе до предела
в чудо жизни влюблены?

Может, чьи-то души ранив,
гордо носите красу?
Может, хрупкими утрами
пьёте звонкую росу?

Может... Всё, конечно, может...
пусть ошибся я чуток...
Но вы всё-таки похожи
на любимый мой цветочек.

И я, рассудку вопреки,
в ваш мир вторгаюсь:
прохладной, трепетной руки
слегка касаюсь.

И по крови горячий ток
вдруг пробегаёт,
необъяснимый холодок
у сердца тает.

Слегка кружится голова,
и мысли скачут...
Зачем я нужные слова
ищу и прячу?

Я их от вас не утаю,
я это знаю,
как с вашим именем встаю
и засыпаю.

Как в мыслях с вами говорю
и жду ответа...
О, как я вас благодарю
за щедрость света!

Как вам со мною повезло –
судите сами...
А мне легко и так светло,
когда я с вами!

Глаза

Бывают в мире разные глаза:
одни, как током,
наповал сражают,
другие, зазывая, возражают,
бушует в третьих
нежности гроза.

Иные, словно при костре ночном,
грустят в глубокой мысли
ни о чём.

Есть стынущие
в жуткой красоте,
бездонные, как небо в высоте.

Есть с мыслями
пытливыми и без
и глупые (такие тоже есть)

Есть тёплые,
с задорным огоньком,
холодные, с нетающим ледком,

и хитрые, и злые... Только здесь
их просто невозможно
перечесать.
Бывают в мире всякие глаза.

Но как мне
о твоих глазах сказать?

О тех глазах,
что ранят и врачуют,
бросают в жар и видятся
без снов...
О них сказать давно уже хочу я,
но лишь теряюсь
в бедном мире слов.

Вячеслав Гутников

Поручику Лермонтову

Эполеты как эполеты...
Мой поручик, вы так грустны.
Пушкин мёртв,
Ваша честь задета,
и поругана честь страны.

Словно время остановилось.
Людоедство есть жизнь царей.
Это – милость
попасть в немилость
и бежать от царей скорей.

Секунданты, шаги отмерьте...
Белоснежный стоит Кавказ.
Вы идёте навстречу смерти
и в бессмертье зовёте нас!

Улыбка Моны Лизы

На фоне дымки сизой
насмешливо глядит

живая Мона Лиза,
невинная на вид.

Сокровище из фонда
бессмертья и любви –
не мучай нас, Джоконда,
улыбкой не трави.

– Люби меня, мой рыцарь,
но зря не умирай! –
весёлый свет струится
и обещает рай.

Обнажены кинжалы
пронзительных очей,
чтоб всем принадлежала
и не была ничьей.

Мастро Леонардо
трудился неспроста
и оживил азартно
амурные уста!

Баллада о параллельных мирах

Мы – любители игры
аж молекулярной...
Параллельные миры
перпендикулярны.

Хочешь в зеркало войти?
Столь невероятно...
На лице в сквозном пути
остаются пятна.

А легко ли жить в мирах,
даже параллельных,
если мраком правит страх
среди душ отдельных?

Вот и чёрная дыра,
а в дыре дыряво...
Жизнь – безумная игра
разума на славу.

Нам бы выйти из игры,
чтобы не зависли...
Параллельные миры
озаряют мысли!

Любовь выиграла ли в крови,
или глаза глядят морозно –
прошедший день благослови
за все его метаморфозы.

Аплодисментов не ищи
и не хватайся зря за сердце,
хлебая будничные щи
с весьма бодрящим душу перцем.

По-братски поделись с другим
частицей разума горящей,

как будто слышишь
звёздный гимн
над уходящим настоящим.

На мир меняющийся глянь
и загляни в сердца живущим,
где мимолётна эта грань
между минувшим и грядущим.

Лицо своё увидишь сам,
пока сознание не меркнет
и поднимает к небесам
сияющие фейерверки!

Шахматы

В беломраморных сераях,
от безделья мешкая,
шахи в шахматы играли,
люди были пешками.

Их вассалы – лица в зале –
ели плов с лепёшками,
где прелестницы плясали
и качали ножками.

Словно мифы, царства эти
миражами стали бы,
если бы цари, как дети,
не имели алиби.

Мир меняется незримо,
оставляя версии...
Нет уже былого Рима
и могучей Персии!

Акварель

О любви
говори
от зари
до зари.

И в груди
здесь душа,
и гляди,
не дыша.

Есть любовь –
нет любви...
Щи готовь
и живи.

Расшибись
на куски –
эту жизнь
береги.

От любви
я возник,
и лови
этот миг!